

DOI 10.17150/978-5-7253-3001-4.04

Л.В. КАЛЬМИНА

УДК 930(571.5) + 94(571.5)

ББК 63.2 (2Р54) + 63(2Р54)

**«С ЧЕРСТВЫМ ВИДОМ, НО НЕ СЕРДЦЕМ...»
(портрет сибиряка XIX века глазами современника)***

В статье анализируются особенности характера сибирского жителя XIX в., отмеченные в исследовательских трудах того времени и очерковых заметках путешественников. «Сибирский характер» выделяет его обладателей в самостоятельную группу, отличную от жителей западных губерний России образом жизни и образом мыслей.

Ключевые слова: российские, сибиряки, старожилы, поселенцы, сибирский характер, рассудительность, суровость, веротерпимость.

* Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9).

«LOOKING CALLOUS BUT NOT FROM THE HEART...»
(the XIX century Siberian's portrait
from the contemporary's point of view)

The article analyses the Siberian character in the course of XIX century, its peculiarities being described in the research works and travelers' reports of that time. Siberian character distinguishes its possessors into independent group, different from western regions residents of Russia through their way of life and thoughts.

Keywords: the Russians, the Siberians, old residents, settlers, Siberian character, rational, sternness, tolerant.

При проведении Переписи населения 2010 г. в Бурятии 41 чел. записали себя сибиряками [9]. Не надо считать их большими оригиналами. Сибиряк, как еще отмечалось столетия назад, действительно, особый тип характера, а не просто место жительства, и региональные черты часто проявляются сильнее национальных. Исследователи отмечают, что «рукотворный имидж Сибири» как совершенно иной, нежели Россия, реальности создавался еще М.В. Ломоносовым. А подхватившие эту мысль областники, акцентируя особые пути развития Сибири, «сформировали» из сибиряков некую новую «нацию» [1, с. 132, 133].

Ограниченный объем статьи не позволяет создать исчерпывающий портрет сибиряка на основе анализирующих его весьма многочисленных записок, тем более что сибирский конгломерат достаточно пестрый, чтобы говорить о сибиряке как о едином статическом образе, а потому сразу сделаем несколько оговорок. Во-первых, из описания мы исключаем ссылку и «искателей счастья» — сообщество тоже весьма неоднородное и породившее противоречивые оценки. Против того и другого резко выступал, например, Н.М. Ядринцев, даже вольных авантюристов считая «язвой края», не имеющей «ничего общего со страной и населением». Что касается собственно ссыльных, назначение которых «наполнять остроги и наводнять Сибирь беглыми», он резко и бесповоротно «исключил» их из сибиряков: «Один уже состав преступников указывает на их сомнительные нравственные достоинства, почему крестьянство и не могло проникнуться уважением и признать их за одинаковых себе сограждан» [19, с. 93, 181]. Грань между теми и другими достаточно условная, поскольку, по заметкам исследователей того времени, часть этих ссыльных «нередко богатеют, натурализируются в Сибири и переселяют туда свои семейства» [14, с. 82]. На это обращал внимание и М.М. Геденштром, описывая нижеудинских поселенцев: «Поселенцы развратнейшие, неумолимо, постоянною строгостию превращены были наконец в мирные поселяне», что свершилось «при неослабном

понуждении» [7, с. 72, 73]. Чтобы внести ясность, кого считать «наезжим», а кого «сибиряком», который в прошлом был таким же «наезжим», воспользуемся критерием Д.А. Клеменца, полагавшим, что прожившие в Сибири менее 25 лет — еще новоселы, которые лишь во втором поколении «осибирачиваются» [12, с. 52]. Во-вторых, из образа «сибиряка» путешественники исключали инородческое население, также весьма неоднородное по характеру, нравам и обычаям. «Сибиряку в большую обиду, когда заезжий русский человек примет его за инородца, — писал Ф.В. Девель. — Он не думает, что за несколько поколений в Сибири русский человек порядочно изменился. И лицом, речью, а иногда и верой он стал похож то на бурята, то на тунгуса — глядя по месту. И чем дальше на восток, тем это сходство заметнее, потому что чем дальше на восток, тем меньше живет русских сравнительно с инородцами [8, с. 70].

Наконец, мы не претендуем на исчерпывающую характеристику даже и сибиряка-старожила, почерпнутую в записках того времени, и ограничимся лишь некоторыми наиболее рельефными, часто полярно противоположными мнениями о его характере, трудолюбии, любознательности и терпимости к чужакам. Противоположными — в том числе и в зависимости от того, рассматривался ли его образ «внешним наблюдателем» или изнутри, «от имени и по поручению» автохтонов [1, с. 138].

Верх неприязни к сибирским старожилам, уступавшим, дескать, в нравственном плане даже ссыльным, продемонстрировал Благовещенский: «...Сибирское население слишком часто, если не вообще — тупое и озлобленное, — утверждал он в своих «Записках», — едят друг друга и тем сыты бывают.... Но самое приятнейшее дело — сожрать заезжего человека или, как здесь говорят «российского». ...от Иркутска до Благовещенска только и видишь, что «каменные души» и «все степени злодейства». Ссыльнокаторжный, сколько бы ни упал он нравственно, всегда смотрит «свысока» на сибиряка... [5, с. 291, 293]. Непригляден образ сибиряка и в путевых заметках А.П. Чехова, также сделавшего сравнение ссыльных с местным населением не в пользу последнего: «...не ссыльные деморализуют население, а население ссыльных», поскольку местная сибирская интеллигенция «с утра до ночи пьет водку, пьет неизящно, грубо и глупо, не зная меры и не пьянея» [17, с. 27]. Ему вторит политический ссыльный Л.Ф. Пантелеев: «Но что особенно поражало, и притом в горячую летнюю пору, это обилие пьяных; даже в будничные дни они целыми толпами двигались по деревням, а непечатная брань просто заполняла воздух. Без нее, казалось, сибиряк не мог выговорить двух слов...» [13, с. 173]. Пристрастие сибиряка к спиртному отмечали и другие путешественники. П.А. Словцов приводит мнение проехавшего по Сибири аббата Шаппа, что сибиряки «любят женщин и напитки до излишества» [15, с. 392]. Но И. Белов, соглашаясь, что в Сибири «...видней того пьянство..., чему были подвержены прежде...

и люди умные», находит этому оправдание: «...причиной этой слабости, равно как и другой, мало известной в Европейских губерниях, можно сказать, болезни так называемой хандры, служит как должно полагать, здешний суровый климат и недостаток развлечений» [4, с. 20].

Неприглядное мнение о сибиряках «не только простонародных европейско-российских поселенцев, но и образованных людей, приезжих из России», приводит А.П. Щапов: «Сибирский народ, почти по общему убеждению и молве... слывет народом хитрым, грубым, своекорыстным, немилосердным, даже жестокосердым...»; «сибиряки грубы, немилосерды, мошенники; против российских людей далеко не будут по доброте сердечной, они скупы безмерно, нежалостливы, бессердечны» [18, с. 620].

Разница между сибиряками и «российскими» составляет предмет постоянного конфликта между ними. «Если сибиряк протягивает вам дружелюбно руку и скажет «вы, российский», — писала автор заметок о Сибири П. Богаевская, — то это значит, что он вам не земляк, а крайняя ему противоположность» [6, с. 97]. «Сибиряк не задумывается и не подозревает своего кровного родства с коренным русским человеком, — отмечал и Н.М. Ядринцев, — напротив, он считает себя русским, а на русского поселенца смотрит как на совершенно чуждого ему человека и сомневается в его русской национальности» [19, с. 61]. По мнению А. Исаева, сибиряку — старожилу претит дерзость и напористость, с какой поселенцы «окунулись» в Сибирь. «...Сибирский старожил...только в единичных случаях может примириться с их (переселенцев. — Л. К.) приходом или даже радоваться... появлению великорусского лица...; он приносит с собой старую, законченную и вполне окрепшую привычку действовать дружно и систематично в самых разнородных проявлениях сельской жизни (подчеркнуто в тексте. — Л. К.). Эта дисциплина проявляется в том дружном натиске, который переселенцы...производят на старожилов. Последние не могут устоять перед этим натиском [10, с. 83, 85]. Отсутствие этой настырности, неспешность и отсутствие предприимчивости. «...он ленивее русского крестьянина, — писал Ф.В. Девель, — никогда так рано не встанет в трудовой день; вставши, напьется чаю, как говорится, с толком и расстановкой и не торопясь выезжает на работу» [8, с. 72]. «Сибиряки вообще, кажись, недостаточно имеют духа предприимчивости, — солидарен с этим утверждением И. Белов, — ибо не только ремесла и художества, как известно, находятся в военных мастерских, но даже коммерция... в руках Европейских купцов» [4, с. 19–20]. Но здесь уже сибиряк Н.М. Ядринцев берет под защиту «соплеменника»: даровитое сибирско-русское население поставлено в «такие печальные условия, что выдающаяся умственная сила, подавленная в своей среде, должна была непременно вырваться из нее и бежать из этого края...» [19, с. 58]. Положительные изменения в образе сибиряка, в том числе под влиянием

предприимчивых поселенцев, замечает П.А. Словцов: «При очевидном кипении радостных перемен в судьбе многих тысяч сам житель Сибири становится живее и предприимчивее. Он или научился грамоте, потому что множество грамотных толпилось вокруг него, или наслышался о способах производить нетрудные мастерства [8, с. 351]. Способность воспринимать все лучшее даже от несимпатичных им людей видит в сибиряке и Богаевская: сибиряк, относясь к «пришельцам» «крайне недружелюбно», «перенимает между тем от них все подходящее...» [6, с. 98].

Сравнение «русского» с «сибиряком» присутствует практически во всех заметках того времени — с креном в ту или иную сторону. А.П. Щапов противопоставлял «великорусского человека, «в умственном складе которого более отразилось влияние продолжительного исторического ...опыта», сибиряку, «в умонастроении» которого более отпечатлелось влияние дикой сибирской природы». (В этом с ним солидарна Богаевская, считавшая, что «ум великоросса отличается историко-традиционным воспитанием, а ум сибиряка характеризуется непосредственно натуральной дрессировкой» [6, с. 95]). По его мнению, «в сибирском населении гораздо более, чем в великорусском народе, заметно преобладание эгоистических, своекорыстно-приобретательных и семейно-родовых чувств и склонностей...» [18, с. 621]. П.А. Словцов, напротив, со всем пылом вступился за коренного сибиряка — «радушного, гостеприимного», на которого «издавна клеветуют ... в России различным образом». По мнению автора, только «поверхностные наблюдатели» и из «сволочей русских поселенцев» могут назвать «рассудительного, хозяйственного, добронравного сибиряка невежью, ленивцем, развратным», хотя ссыльные сильно подпортили «природу» сибиряков. Если прежде, по оценке аббата Шаппа, они были «рослы, плотны и статны», что «свидетельствовало о нравственной чистоте родителей и предков», то «настоящее — о происхождении от невоздержных и болезненных родителей, происшедших от посельщиков или их приятелей», поскольку «добродушный сибиряк иногда впадает в недостойную связь с преступным пришельцем» [15, с. 352, 392]. С мнением о добропорядочности сибиряка солидарен и сибирский чиновник П.И. Кириллов, считавший сибирских жителей — и русских, и инородцев — «гостеприимными, добрыми, опрятными, неограниченно преданными Государю и Отечеству и послушными своему начальству» [11, с. 31].

В поисках объяснения сурового характера сибиряка исследователи сходятся во мнении о влиянии на него сибирской природы и самого образа жизни, безжалостно отбраковывавшего людей слабых. Н.М. Ядринцев указывал, что сибиряку «приходится встречаться лицом к лицу со всевозможными препятствиями и опасностями, наблюдать и замечать их, охранять и защищать себя» [19, с. 57]. Д.А. Клеменц писал, что «черная, грубая, опасная работа» по освоению сибирской природы потребо-

вала от него «напряжения до крайности всех сил, чтобы не пасть в борьбе с ней», и потому сибиряк «не чужд и тех несимпатичных черт, которые свойственны колонистам. Он крайне суров, нередко проявляет большую жестокость в характере и поступках», чем напоминает американского поселенца [12, с. 53]. «Говорят, что сибиряк не так добродушен, как русский крестьянин, — солидарен с ними Ф.В. Девель. — Чужая беда его меньше трогает. Лишь бы себе было хорошо, а там хоть трава не расти». Однако сам тут же это и объясняет: «...Доброй воли от своих новых односельцев поселенец не жди: человек он чужой, обществу навязан, явился он нищий, без семьи, таскался по острогам и этапам — хорош, говорят, из него выйдет хозяин. Да и кроме того, сельским обществам в Сибири приходится нести ради поселенцев особенные повинности: устраивать и содержать волостные и сельские тюрьмы, наряжать облавы для поимки беглых, держать караулы над арестантами» [8, с. 72, 79–80]. «...отчего сибиряку и не быть жестким или даже жестоким по отношению к другим, — задается вопросом Н. Астырев, — раз идеалов общежития у него не выработалось никаких, а все его материальное благополучие заключается исключительно в нем самом, в его сноровке, в его удаче, в его умении выбиться в люди...?». Поиски своего «фарта», по мнению автора, и сделали из него «индивидуца», опасаящегося даже своих «нынешних товарищей по жизненному поприщу», которые завтра могут оказаться его соперниками в достижении благополучия [3, с. 94]. Однако не согласен с ними П.А. Словцов, бывший высокого мнения о душевных качествах сибиряка: «Этот угрюмый, несловоохотный посадский, этот крестьянин с черствым видом, но не сердцем... носит в себе тайну благоговейности и сострадание к неимущим братьям» [15, с. 564]. Да и заветная мечта почти всякого сибиряка разбогатеть — вовсе не для простого накопительства, — объясняет Д.А. Клеменц, — «типы Плюшкина в Сибири редки; сибиряк ищет богатства для того, чтобы пользоваться им всюю, заставить говорить о себе», т.е. стать преуспевающим человеком в глазах общества [12, с. 53].

Присущая колонистам грубость отнюдь не предполагала невежества и не исключала тяги к знаниям. Д.А. Клеменц, признавая, что суровая природа не давала сибиряку «досуга для умственной и эстетической культуры», был уверен, что та же природа «заставляла сибиряка искать знаний и средств, как бороться с ней. Это развило в нем любознательность и уважение к знающим людям и знанию. Обилие сибиряков в высших учебных заведениях, учреждения для развития в Сибири начального образования, университет, которого сто лет упорно добивались сибиряки, миллионные капиталы, служащие среднему образованию, являются выражением этих стремлений к знанию», — доказывал он [12, с. 53]. «Относительно даровитости и ума русского населения факты свидетельствуют, что сибиряки не глупы, — писал Н.М. Ядринцев, на-

помятая читателю известное высказывание Екатерины II, что сибиряки «вообще умны, любознательны и предприимчивы», и сожалея, что самая необходимость «приискивать доказательство в пользу» сибиряка «указывает на не особенно лестное мнение ...вообще о народности» и «доказательства эти похожи на те, которые обыкновенно приводятся в пользу негров и женщин» [19, с. 57, 58]. «...российский более развязан в своих суждениях, чем сибиряк, — сравнивает далее Н.М. Ядринцев познавательные способности тех и других. — У него умственный кругозор большей частью шире, эмпирические знания разнообразнее, рассудочные способности более культивированы и развиты, умственные знания и наблюдения шире и разностороннее, рассказы разнообразнее и живее, речь обильнее, витиеватее и выразительнее, с большей примесью слов книжного языка, хотя часто и своеобразно употребляемых. Сибиряк, наоборот, первобытнее». Но «при всей неразвитости и некультивированности ума» исследователь замечает в сибиряке «реалистическое направление мысли» [19, с. 58, 59]. Тот же рационализм отмечает в сибиряке и П. Богаевская: «...Ум его (сибиряка. — Л. К.) менее гибок, но логические приемы мышления несравненно более развиты. ...Он совершенно чужд мистицизма, более утилитарист и материалист». Она отмечает в сибиряке ум, любознательность, энергию, практичность, находчивость, характер, самобытность, самостоятельность и умение «ориентироваться в любом круге идей при помощи здравого смысла» [6, с. 95, 97].

«Рассказ Сибиряка, разумеется, несколько образованного, медлен, осторожен, — рассуждает о сибирском темпераменте И. Белов. — ...кажется, он старается скорее выведать что-либо, нежели сообщить какую новость; но однако же подобный его разговор не лишен остроты, иногда даже и иронии; вообще же во всех поступках их мало заметно живости игры, но большей частью видны следы какой-то меланхолии, что их преимущественно и отличает от приезжих в этот край из Европейской России» [4, с. 18–19]. «В сибирском русском населении рассудок, кажется, гораздо более преобладает над чувством, чем в великорусском народе, — вторит ему П. Богаевская, — эта холодная рассудочность..., несогреваемая чувством, часто огрубелость сердца, отсутствие идеальных стремлений, преобладание индивидуалистических и своекорыстных мотивов. ...Сибиряк не понимает красот ни музыки, ни поэзии. С одной стороны, влияние тайги..., с другой — промышленный авантюризм приезжих помешал ему развить в себе мягкость чувств, тонкость понятий. Он угрюм, потому что одинок и ведет суровую жизнь. Он недоверчив. Скрытен: двести лет такой жизни лишили его ...чутья и поэтического творчества. Он не умеет ни восторгаться, ни восхищаться, ни удивляться» [6, с. 95, 97, 96]. «Откуда было развиваться художественному вкусу сибиряка, когда во всей Сибири всего одна хорошая картинная галерея — в Иркутске», — оправдывает сибирского старожилу Д.А. Клеменц. Он не согласен «с сухостью,

отсутствием поэтической складки, любви к изящному», в чем «весьма часто упрекают сибиряка. Зачатки этих склонностей есть. Разве любовь к комнатным растениям не стремление к изящному, разве старинный сибирский обычай расписывать стены изб масляными красками не указывает на то же?», — вопрошает он [12, с. 54].

Практически все исследователи сибирского характера единодушны во мнении в оценке чувства собственного достоинства сибиряка и его терпимости к иноверцам. «Наклонность к простору и воле» они считали его «выдающейся чертой» [6, с. 98]. «Говорят, он смелее русского крестьянина, в нем нет приниженности и раболепства», — отмечает Девель [8, с. 94]. Д.А. Клеменц считал свободу поступков сибиряка, чья инициатива не была стеснена крепостничеством, его великим преимуществом перед братьями из европейской России, даже при всех трудностях жизни в Сибири [12, с. 53]. Н.М. Ядринцев отмечает, что сибиряк может и приезжего научить демократизму и свободе общения: «Сибирский крестьянин...ведет себя непринужденно..., чувствует себя равноправным, он смело входит в комнату, подает вам руку, садится с вами за стол, и, если вы его пригласите, совершенно непринужденно будет пить чай, есть и свободно вести с вами речь. Это меняет обхождение с простым народом самих приезжих в Сибирь. До известной степени...такое общение практикуется между начальствующими и народом». Исследователь тоже объяснял тот факт, что «сибирское население является «менее забитым, подавленным, более независимым», отсутствием в Сибири крепостного права [19, с. 65, 69]. Правда, он тут же оговаривается, что некоторые наблюдатели, напротив, считали сибирское население низкопоклонным, раболепным, угодливым перед высшими и грубыми и дерзкими с равными и посторонними [19, с. 65]. Далеко не будем ходить за примером — так полагал часто цитируемый П.А. Словцовым аббат Шапп: «Унижаясь пред главным начальником, они (сибиряки. — Л. К.) поступают весьма жестко с низшими и своими служителями» [15, с. 392].

Что касается веротерпимости, то здесь все без исключения отмечали, что сибиряк с равным уважением относится к иноверцам и в силу низкой религиозности, и в силу постоянного с ними общения. «Он, хотя и считает себя выше инородца, — пояснял Д.А. Клеменц, но у него нет того отвращения к нему, которое мы видим в западноевропейских колонизаторах. Сибиряк видит в нем человека, водит с ним хлеб соль, заимствует кое-что от инородца и не только не считает неприличным знать язык инородца, но ставит себе это в заслугу» [12, с. 54]. «Сибиряку приходится постоянно сталкиваться с людьми всякой веры. Насмотрелся он тут и на инородцев-ламаистов, и буддистов, и на ссыльных католиков, лютеран, евреев, магометан и стал как-то равнодушнее к своей вере, — отмечал Ф.В. Девель. — ...И каких только людей не сводит ...беда и неволя! Иногда — во всем чужих друг другу. Тут случается нередко, что русская мыкает свое

горе с татариним, еврейка — с русским... [8, с. 94]. «Привычку» сибиряков к евреям, мусульманам, лютеранам, католикам, которая выработала известную веротерпимость, отмечал и Н. Астырев [2, с. 30].

Спрашивается: разве несколько поколений осевших в Сибири немцев, поляков, евреев — не такие же сибиряки? По тогдашним меркам — нет. Сибиряками считалось только русское старожильческое православное население. Из их разряда исключали даже семейских, характеризуя их как «сектантов» со «своими» манерами во всем и как сообщество «довольно эгоистичное» и «безучастное в общей формировке жизни» [12, с. 52; 19, с. 84]. И уж тем более сибиряками не считали неправославное население, хотя, по мнению наблюдателей, сибирские евреи «по образу жизни, характеру, привычкам, по типу или каким-либо специфическим внутренним качествам, наконец, по языку, который у них по преимуществу чисто русский», были «русскими людьми», сибиряками, с презрением относившимися к обитавшим в западной России «одноплеменникам» [16, с. 278; 4, с. 21]. Это органичное «вплетение» в сибирскую жизнь и отстраненность «от российского» с головой выдавала в еврее настоящего сибиряка, «самоуверенного и гордого своими особенностями», что, по выражению Богаевской, господствовало в коренном сибирском населении [6, с. 97].

Список использованной литературы и источников

1. Антипов Г. А. Сибирь как проект / Г. А. Антипов // Сибирь: имидж мега-региона / под ред. В. И. Супруна. — Новосибирск : ФСПИ «Тренды», 2012. — С. 127–142.
2. Астырев Н. На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири / Н. Астырев. — М. : Тип. Д. И. Иноземцева, 1891. — 405 с.
3. Астырев Н. Очерки быта населения Восточной Сибири / Н. Астырев // Русская мысль. — 1890. — Кн. 9. — XI. — С. 71–100.
4. Белов И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири / И. Белов. — М. : Тип. А. Семена, 1852. — 105 с.
5. Благовещенский. Записки о Сибири / Благовещенский // Вестник Европы. — 1882. — Кн. 9, т. V. — С. 291–325.
6. Богаевская П. Заметки о Сибири / П. Богаевская. — Брянск : Тип. А. Арцишевского, 1895. — 123 с.
7. Геденштром М. М. Отрывки о Сибири / М. М. Геденштром. — СПб. : тип. Медицинского Департамента Министерства внутренних дел, 1830. — 165 с.
8. Девель Ф. В. Рассказы о Восточной Сибири, т.е. о губерниях Енисейской и Иркутской, об области Приморской и об округах Якутском и Забайкальском / Ф. В. Девель. — М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1896. — 126 с.
9. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года : докл. [Электронный ресурс]. — Улан-Удэ, 2012. — Режим доступа : http://burstat.gks.ru/perepis2010/perepis_itog/doklad.doc
10. Исаев А. Как относятся в Сибири к переселенцам / А. Исаев // Русская мысль. — 1890. — Кн. 12, XIII. — С. 80–90.
11. Кириллов П. И. Очерки Сибири / П. И. Кириллов. — СПб., 1839. — 41 с.

12. Клеменц Д. А. Население Сибири / Д. А. Клеменц // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды : сб. ст. / под ред. И. С. Мельника. — СПб. : Изд. А. Ф. Девриена, 1908. — С. 37–78.

13. Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого : в 2 т. / Л. Ф. Пантелеев. — СПб. : Тип. М. Меркушина, 1908. — Т. 2. — 211 с.

14. Путешествия по степям и горам Сибири и соседним землям Средней Азии. По сочинениям Аткинсона, Миддендорфа, Раде, Маака и др. / сост. А. Этцель, Г. Вагнер. — СПб. : Изд. книгопродавца и типографа М.О. Вольфа, 1865. — 518 с.

15. Слобцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Стихотворения. Проповеди / П. А. Слобцов. — Новосибирск : Изд-во «Вен-Мер», 1995. — 675 с.

16. Тихонов Т. И. Сибирские евреи, их права и нужды / Т. И. Тихонов // Сибирские вопросы. — 1905. — № 1. — С. 278–309.

17. Чехов А. П. Из Сибири / А. П. Чехов // Собр. соч. : в 12 т. — М. : Госиздат «Художественной литературы», 1956. — Т. 10. — С. 5–38.

18. Щапов А. П. Сочинения : в 3 т. / А. П. Щапов. — СПб. : изд. М. В. Пирожкова, 1908. — Т. 3. — 717 с.

19. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / Н. М. Ядринцев. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. — 471 с.

Информация об авторе

Кальмина Лилия Владимировна — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: kalminal@gmail.com

Author

Lilia V. Kalmina — Doctor of History, Professor Assistance, Leading Scientific Researcher, the Department of History, Ethnology and Sociology, the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova St., 670047, Ulan-Ude, Russia; e-mail: kalminal@gmail.com